

Услышав прямой и холодный вопрос Шэнь Ляня, в котором не было ни капли эмоций, Сюй-старшая, хотя и не должна была испытывать сильных чувств, невольно вздрогнула.

Она подняла глаза на Шэнь Ляня, натянуто улыбнулась и ответила: “Ах, господин цзюйжэнь, я ведь старая знакомая супругов Линь, конечно же, их старшая родственница”.

Шэнь Лянь, услышав эту наглую ложь, остался внешне спокоен и ровным тоном продолжил: “Если вы действительно знакомы с моими тестем и тётшей, почему я не видел вас на их похоронах? Зато за пиршественным столом вы, кажется, появились?”

Смысл слов Шэнь Ляня был очевиден: он прямо обвинял Старую госпожу Сюй в том, что она не исполнила обязательств по обычаю, но при этом без зазрения совести пришла на угощение.

Окружающие, которые уже начали уважать Шэнь Ляня, узнав о его статусе цзюйжэня, после этих слов стали ещё сильнее презирать хитрую и наглую старуху. Некоторые даже позволили себе едкие комментарии: “Вот оно что! Какие тут родственники? Да это просто старая черепаха, которая пользуется своим возрастом, чтобы обманывать людей и на халяву пировать!”

Привыкшая только сама оскорблять других, Сюй-старшая тут же вспылила и огрызнулась: “Тебе-то что за дело? Я ем не твой рис! Что ты тут болтаешь?”

Шэнь Лянь спокойно прервал её шумную тираду и холодно произнёс: “Раньше у моих тестя и тётчи не было такого родственника, как вы, и в будущем не будет. Надеюсь, вы больше не будете вмешиваться в дела моего дома и давать указания Линь-гэ”.

Слова господина цзюйжэня прозвучали как окончательный приговор. Сюй-старшая, хотя и кипела от злости, была вынуждена неохотно согласиться: “Да-да, я поняла. Это я, старая глупая женщина, наговорила лишнего”.

Однако даже признавая свою вину, она продолжала бросать холодные взгляды, которые не ускользнули от Шэнь Ляня. Слегка улыбнувшись, он продолжил: “Кстати, я узнал одну новость по пути из управы. Ваш сын сегодня играл в азартные игры в доме для ставок. Проигравшись, он напал на другого человека, за что его задержали и посадили в тюрьму. Если вы хотите вытащить его поскорее, вам, вероятно, нужно заняться этим прямо сейчас”.

У Сюй-старшей было пять дочерей, и только один обожаемый сын. Услышав, что её сын не только проигрался, но и попал в тюрьму, она мгновенно забеспокоилась. Не обращая больше внимания на людей вокруг, она вскочила на ноги и выбежала, не оборачиваясь.

По дороге она уже прикидывала, сколько денег нужно собрать у дочерей, чтобы выкупить сына, и злобно проклинала Линь Сяоцзю и Шэнь Ляня.

“Сегодняшнее унижение я обязательно верну с лихвой!” – думала она.

Глядя на убегающую Сюй-старшую, остальные невольно вздохнули: "Дракон рождает дракона, феникс – феникса, а крысиные детёныши всегда научатся рыть норы". Сюй-старшая могла с каменным лицом назвать чёрное белым, а её сын оказался азартным игроком и забиякой.

После того как Шэнь Лянь прогнал эту неразумную старушку, он перевёл взгляд на Линь Сяоцзю, стоявшего у плиты. Линь Сяоцзю сиял радостной улыбкой, и, заметив, что на него смотрят, протянул тарелку с готовым блюдом. Поверх овощей и мяса уже был добавлен соус, который Шэнь Лянь особенно любил.

Шэнь Лянь опустил глаза на блюдо: всё было идеально — от сбалансированного состава до нужной порции. Всё, что он любил, оказалось здесь.

Раньше никто не заботился о том, что он любит есть. Но всего за несколько дней совместной жизни Линь Сяоцзю уже успел всё запомнить.

Шэнь Лянь поднял глаза на Линь Сяоцзю, встретив его слегка озадаченный взгляд.

“Что такое?” — спросил Линь Сяоцзю.

Шэнь Лянь покачал головой, улыбнулся и спокойно сказал: “Спасибо”.

Слова благодарности немного смутили Линь Сяоцзю. Он почесал нос и пробормотал: “Я ведь ничего особенного не сделал. Не стоило так серьёзно благодарить меня”.

Шэнь Лянь только мягко улыбнулся, посмотрел на него, но больше ничего не сказал. С блюдом в руках он отошёл и сел за стол, чтобы поесть.

Сегодня Шэнь Лянь действительно рано закончил свои дела. Он собирался отправиться в задний двор и отдохнуть, но в последний момент почему-то решил зайти в маленькую лавку.

Там он и увидел сцену, где Сюй-старшая затевала скандал. Изначально он не собирался вмешиваться — ему было интересно, как Линь Сяоцзю справится с этим сам. Однако его поразили слова Линь Сяоцзю: "Ничего страшного, если мне придётся содержать его".

За последние дни Шэнь Лянь уже понял, что нынешний Линь Сяоцзю куда более оптимистичен и открыт, чем тот, кого он знал раньше. Он был удивительно добродушным и свободным в своих мыслях. Но услышать, как он так спокойно говорит о том, что готов содержать его, было неожиданно.

И всё же Шэнь Лянь не мог отрицать, что эти слова заставили его сердце забиться быстрее.

Когда Сюй-старшая начала наглеть ещё сильнее, он наконец решил вмешаться.

Шэнь Лянь до сих пор не мог понять, почему поступил так. По его прежним принципам, он не должен был выходить на публику и уж тем более открыто подтверждать свой статус цзюйжэня.

Между ним и Линь Сяоцзю не должно было быть слишком много связей. Рано или поздно он собирался найти подходящий момент, чтобы разорвать этот брак, и идти дальше по своему пути, чтобы достичь того положения, которое он имел в прошлой жизни, а может, и большего.

Мысли Шэнь Ляня прервал голос рядом. Он обернулся и увидел, что к нему подошёл один из посетителей, желая познакомиться. Шэнь Лянь вежливо отказался, сказав, что предпочитает есть в одиночестве.

Посетитель, поняв намёк, отошёл.

Шэнь Лянь поднял взгляд на кухонную зону и заметил, что по сравнению с предыдущими днями дела в лавке шли ещё лучше. Однако теперь, в отличие от прежних торопливых покупателей, клиенты стали более учтивыми и вежливыми.

"Вот что значит разница в статусе," — спокойно подумал Шэнь Лянь, убирая взгляд и больше не глядя в ту сторону.

После того как Сюй-старшая устроила в их лавке такой скандал, задержав их на какое-то время, Линь Сяоцзю беспокоился, что не успеет продать всё приготовленное.

Но неожиданно всё обернулось к лучшему: не только все блюда были распроданы подчистую, но и клиенты стали заметно приветливее.

Без скандалистов работа стала намного легче.

Меньше чем за час Линь Сяоцзю удалось продать все блюда. Он проводил последнюю группу клиентов, а затем, увидев, что Шэнь Лянь всё ещё сидит и ждёт его, удивлённо спросил: "Ты сегодня весь день был занят, почему не идёшь отдыхать?"

Шэнь Лянь, наблюдая за его ловкими движениями, спокойно ответил: "Сегодня я рано освободился, подумал, что мог бы помочь тебе с уборкой".

Линь Сяоцзю, услышав это, решил, что немного физической активности не повредит. Тем более уборка посуды — это несложная работа. Поэтому он согласился.

Когда они вдвоём закончили убирать посуду и привели всё в порядок, Линь Сяоцзю достал корзинку с дневной выручкой и сел за стол в зале, чтобы подсчитать заработанные деньги.

Он не стал скрывать это от Шэнь Ляня, высыпал монеты на тщательно вытертый стол и начал пересчитывать. Осознав, что сегодня удалось заработать пол монеты серебром, Линь Сяоцзю радостно заулыбался.

Половину выручки он убрал в небольшую шкатулку, а другую половину оставил в корзине.

Шэнь Лянь, наблюдая за тем, как Линь Сяоцзю аккуратно пересчитывает и сортирует деньги, почему-то нашёл это занятие забавным и спросил: “А почему ты делишь деньги на две части? Для чего они?”

Линь Сяоцзю, закрывая шкатулку, не поднимая головы, ответил: “Те, что в шкатулке, я собираю, чтобы со временем отремонтировать лавку. А оставшиеся нужны для закупки продуктов”.

Шэнь Лянь вспомнил, что лавка действительно выглядела потрёпанной. Наверное, супруги Линь, получив её в своё распоряжение, уже не имели средств на ремонт, оставив всё как есть. Судя по всему, интерьер, доставшийся от предыдущего владельца, был настолько старым, что теперь выглядел совсем обветшалым.

Действительно, лавку давно пора было обновить.

В этот момент Линь Сяоцзю словно о чём-то вспомнил, снова открыл только что аккуратно закрытую шкатулку и достал оттуда половину связки монет. Протянув деньги Шэнь Ляню, он, смущённо опустив голову, сказал: “Совсем забыл. Это на твои карманные расходы. Ты, конечно, еду и питьё не оплачиваешь, но ведь бывают другие нужды. Если у тебя не будет при себе денег, это ведь неудобно. Возьми, пользуйся”.

Шэнь Лянь не ожидал такого жеста. Его обычно спокойное лицо отразило редкое выражение удивления. Он посмотрел на Линь Сяоцзю, затем на пол связки монет перед собой. В голове неожиданно всплыли слова Линь Сяоцзю, сказанные во время ссоры с Сюй-старшей, о том, что он готов его содержать.

Неужели Линь Сяоцзю действительно всерьёз исполняет свои "семейные обязанности", а Шэнь Лянь теперь оказался "на содержании"?

Линь Сяоцзю заметил, что Шэнь Лянь молчит, а выражение его лица постоянно меняется. Он больше не выглядел таким мягким и спокойным, как обычно. Внезапно Линь Сяоцзю вспомнил: разве не говорят, что для образованных людей самое важное — это достоинство?

"Он не подумал ли, что я его оскорбляю?" — мелькнула мысль у Линь Сяоцзю.

Он в панике почесал затылок, потом, обдумав всё, посмотрел на Шэнь Ляня и сменил тон. Стараясь говорить спокойно, он произнёс: “Нет, эти деньги я не просто отдаю тебе. Я их тебе

одалживаю. Потом, когда у тебя появятся средства, ты сможешь их вернуть”.

На лице Линя Сяоцзю ясно читалось: "Ну вот, теперь ты точно примешь их, да?"

Шэнь Лянь замер на мгновение, а затем тихо улыбнулся. Его улыбка была мягкой, как весенний ветер, и он негромко ответил: “Хорошо”.

Примечание автора:

С сегодняшнего дня у "гуна" тоже будут карманные деньги!

<http://bllate.org/book/15132/1337393>